

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-11-25

П. В. Ополе

Сибирский государственный
автомобильно-дорожный университет «СибАДИ», Омск

Антропологические аспекты сложности в культуре

В работе осмысляются вопросы, связанные с поиском гуманитарной стратегии осмысления сложности. Первобытное искусство и сложность ритуальных практик свидетельствуют о недооцененном уровне когнитивной сложности мифологического мировоззрения. Развитие философии и теистических религий существенно усложняет духовную жизнь человека. Индустриальная цивилизация переживает значимый виток социального усложнения, актуализируя практики управления сложностью, рефлексии сложности в специализированных формах культуры. По результатам данной статьи можно отметить, что социальное и культурное усложнение оказывается связанным не только с процессами самоорганизации, но и с овладением человеком своей сложной природой. Человек не только выступает в качестве творца, создателя сложности культуры, но и является следствием переживания ее многообразия. Антропокультурная сложность смещается в область ценностно-смысловых переживаний, семиотического многообразия культуры.

Ключевые слова: коэволюция, прогресс, простота, регресс, сложность, усложнение, философия культуры, философская антропология.

P. V. Opolev

The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk

Anthropological aspects of complexity in culture

The paper deals with the issues related to the search for a humanitarian strategy to understand complexity. Primitive art and the complexity of ritual practices attest to the underestimated level of cognitive complexity of the mythological worldview. Philosophy development and theistic religions significantly complicate spiritual life of man. Industrial civilization is experiencing a significant turn of social complexity, bringing practices of complexity management up to date, reflections of complexity in specialized forms of culture. According to the findings of this article, social and cultural complexity is associated not only with the processes of self-organization, but also the mastery of man's complex nature. Man is not only the creator, the creator of the complexity of culture, but also a consequence of the experience of its diversity. Anthropocultural complexity is shifted to the field of axiological experiences, semiotic diversity of culture.

Keywords: *coevolution, progress, simplicity, regression, complexity, complication, philosophy, philosophy of culture, philosophical anthropology, man*

Проблематика сложности и усложнения имеет глубокие философские и научные основания [1; 2]. Существующие подходы к описанию сложности фундированы достижениями естественных наук. Сложность рассматривается как принцип, обеспечивающий разнообразие. В спектр рассуждений о типах сложности оказываются включенными самые разнообразные дискурсы, ориентированные на объективные или же субъективные характеристики сложности. На интуитивном уровне сложность — это производное от сложенности, то есть нечто, состоящее из более простых частей. Объективная сложность имеет более или менее однозначную трактовку в рамках естествознания, кибернетики, общей теории систем, синергетики. Простота и сложность рассматриваются как системные параметры. Системное целое на разных уровнях и в разных условиях может проявлять себя как «сложное» или же как «простое» (в зависимости от познавательного масштаба, познавательных задач или используемых методов). Если рассматривать сложность как атрибутивное свойство системного объекта, то можно говорить о сложности

по количеству элементов, сложности по связям, сложности структуры и т. д. Если рассматривать сложность как самостоятельную сущность, то можно говорить о структурной сложности, процессуальной сложности и т. д. Многообразие бытия, познавательных практик позволяет сложность разделить на онтологическую, эпистемологическую и аксиологическую.

Роль «парадигмы сложности» («парадигмы complexity») или, как ее еще называют, «парадигмы сложностности» (В. И. Аршинов, В. Г. Буданов) требует всестороннего изучения. Отечественных и зарубежных работ, рассматривающих аксиологические и антропологические особенности разворачивания представлений о сложности, недостаточно. Ценностно-смысловое многообразие действительности намечает диалектическую связь между объективным разнообразием и его субъективным переживанием. Исходной интуицией данной статьи является утверждение о том, что «практики сложности» сопровождают всю историю человечества. Под «практиками сложности» мы будем понимать все случаи, когда человек сталкивается с многообразием. Например, необходимость выбора, деятельность с учетом неопределенности, отсутствие достаточной информации о действительности стимулируют указанные практики. В конце концов сама наука является результатом усложнения познавательного аппарата человека. Если концептуализация сложности в науке произошла во второй половине XX века (сложность становится определяющим вектором развития целого ряда естественных наук и междисциплинарных направлений), то культура и человек «переживали» сложность на всем протяжении своего существования.

Человечество на всем протяжении своего развития обнаруживало сложность как в ее объективном (сталкиваясь со сложностью природы, сложностью собственного тела), так и в субъективном проявлении (сталкиваясь со сложностью собственного сознания, ценностно-смысловым многообразием культуры). Сложность человеческого сознания можно выводить из разнообразия материальной деятельности человека или, напротив, сложность природы и культуры рассматривать как следствие сложности сознания человека. Вместе с тем сложность духовной культуры непосредственно не коррелиру-

ет с многообразием используемых инструментов и технологий. Как замечает Л. Мемфорд, «первейшей заботой человека было вовсе не покорение природы или изменение окружающего мира, а овладение собственной чрезмерно развитой и необычайно активной нервной системой» [3, с. 27]. По мысли В. И. Корниенко, освоение человеком окружающего мира оказывается возможным лишь благодаря постижению человеком своей природы [4, с. 49]. Усложнение приобретает характер социотехноэволюции, раскрывает себя не только как неотъемлемое свойство материальной действительности (рефлексируемое в рамках «наук о сложном»), но и как антропокультурный феномен.

Как сложность проявляет себя в рамках антропологической проблематики? Когда же человек встречается со сложностью и как она стимулирует его развитие? Полагаем, что человек со сложностью в природе и сложностью собственного сознания встречается одновременно. Концептуализация переживания человеком своего бытия запечатлена в понятии «жизненный мир». Допредикативный опыт человека, мир непосредственных переживаний и интуитивно схватываемых образов не может быть описан исключительно как системное единство. Жизненный мир обладает рядом априорных структурных характеристик, которые позволяют нам не только утверждать единство нашего опыта, но и обнаруживать сопричастность культурно-историческому опыту всего человечества. Мы полагаем, что любой опыт есть знакомство с многообразием (действительности и собственных переживаний), а значит, и с объективной сложностью.

Антропологические особенности сложности могут быть рассмотрены как следствие сложности человеческого тела. Понятие «телосложение» позволяет рассмотреть человеческое тело как нечто, определенным образом «сложенное», «прилаженное». В человеческом теле все подходит друг к другу, приспособлено одно к другому. При этом обращает на себя внимание тот факт, что «сложенность» — «сложность» человеческого тела не является случайной, она отражает особенности биологической среды обитания. Эта мысль отчасти находит свое продолжение в известном высказывании Протагора: «Человек есть мера всех вещей», и в исследованиях современной эволюционной эпистемологии. Сложность человеческого тела, познава-

тельного инструментария в таком случае оказывается диалектически связанной со сложностью природы. Получается, что сложность природы в определенной мере оказывается отражением сложности нашего тела.

Телесная организация человека может быть также рассмотрена как антропное основание для разнообразия материальной культуры. Эта мысль нашла отражение в известном принципе «органопроекции», предложенном Э. Каппом: техника — это форма объективации человеческого тела, реальное продолжение человеческого организма. Данный подход нашел развитие во многих концепциях философии техники. Следует заметить, что культурный детерминизм оказывает на человека не меньшее воздействие, чем детерминизм генетический. В работе «Геннокультурная коэволюция: человеческий род в становлении» Ч. Ламсден, А. Гушурст обосновывают взаимное влияние эволюционных и культурных императивов, которые демонстрируют петли обратной связи: одновременно формируют культурные возможности и биологические трансформации [5, с. 44].

Способность человека выразить и описать природное многообразие — сложность невыводима из необходимости приспособления человека к окружающей среде. В этом процессе органично существуют эволюционные механизмы приспособляемости и влияние культуры. Сложность человеческого тела также не является уникальной. Многие исследователи отмечали, что человеческое тело не сосредоточено на единственном виде деятельности. Можно было бы сказать, что человеческое тело оказывается особенно пригодно для создания орудий, но и в этом нет уникальной, специфической человеческой черты. Многие животные демонстрируют не менее сложные приемы деятельности. В работе «Миф машины. Техника и развитие человечества» Л. Мемфорд неоднократно подчеркивал, что членораздельная речь, язык является наиболее сложным видом деятельности, который был доступен человечеству. По его словам, «разговорный язык на заре цивилизации был куда более сложным и мудреным, нежели весь египетский или месопотамский «набор» инструментов» [3, с. 16].

В современной науке сложность осмысливается как системный параметр. Вместе с тем полагаем, что со сложностью человек знако-

мится раньше, чем с системами. Как отмечает Л. Слейтер, «в том мире, где мы живем, сложные сигналы — клеточные, химические, культурные — обрушиваются на нас с такой поразительной интенсивностью, что у нас просто нет времени просеивать всю информацию и действовать обдуманно. Если бы мы попытались это делать, мы оказались бы парализованы» [6, с. 134]. На уровне обыденного сознания человек не воспринимает природное многообразие как системное, однако все равно вырабатывает программы для его упорядочивания и объяснения. Уже в рамках мифологического мировоззрения проглядывают сложные отношения человека с бытием, которые усваиваются и осваиваются в первобытной культуре. Вряд ли первобытный человек «знаком» с системами, но он точно был знаком с чувством неопределенности, выразив многообразие переживаний такого рода в соответствующих культурных практиках.

Со сложностью человек встречается гораздо раньше, чем она получает свое логико-понятийное выражение, не говоря уже о концептуально-теоретическом осмыслении в рамках соответствующих наук. Как отмечают Е. А. Мамчур, Н. Ф. Овчинников, А. И. Уемов, познание сложности начинается с живого созерцания [7, с. 81]. Культура и человек «переживали» сложность на всем протяжении своего существования. Человек осваивал сложность не только в познавательной деятельности, но и в культурных практиках, специализированных формах культуры. Как заметил Б. Л. Уорф, «грубейший дикарь может неосознанно безо всяких усилий использовать настолько сложную и разносторонне разработанную и интеллектуально сложную языковую систему, что для описания механизмов ее функционирования нашим лучшим ученым умам требуется целая жизнь» [8, с. 117].

В культуре неколичественные характеристики сложности тысячелетиями определяли характер человеческого существования. Дорефлексивные типы мировоззрения (например, магическое мировоззрение) погружали человека в борьбу со сложностью, которая преодолевалась посредством актуальных культурных практик. В рамках первобытного мышления мы обнаруживаем внетеоретический отклик на сложность окружающего бытия. Многообразие первобытной культуры вырастает из психоэмоциональной сложности человеческого сознания.

Всякий коллективный или же индивидуальный опыт представляет собой опыт обнаружения и преодоления сложного. Человек никогда не сталкивается со сложностью непосредственно, она оказывается выраженной в определенных формах, которые иногда трудно дифференцировать друг от друга. Использование слова «сложный» представляет собой завуалированную форму, в которой констатируется замешательство человека. «Чувство сложного» может быть когерентно психологической тревоге, переживанию запутанности, трудности в решении каких-то проблем, актуальной или потенциальной опасности. В мифологическом мировоззрении сложное — это в каком-то смысле непостижимое, порождающее неопределенность. Многие исследователи отмечают, что неопределенность является одним из фундаментальных свойств сложности [9, с. 19].

Мы полагаем, что переживание сложности в своих неколичественных проявлениях предшествует сознательному принятию индивидом теоретических установок, согласно которым сложное есть сложенное. Признавая, что общественное сознание первобытной эпохи является мифоцентрическим, мы не согласны с А. Я. Флиером в том, что для первобытного человека «главным способом объяснения сложности мира было уподобление сложного и непостижимого простому и непосредственно наблюдаемому» [10, с. 126—127]. Непосредственно наблюдаемое первобытным человеком не мыслилось как нечто простое, что подтверждается обширными этнографическими и антропологическими исследованиями. Простота — это продукт теоретического мышления. Первобытное сознание событиям окружающей действительности приписывало мистическое происхождение. В работах А. Ф. Лосева отмечается, что в мифологии не пропадает ни один момент опыта — ни чувственный, ни сверхчувственный [11, с. 114]. Как подмечает Л. Леви-Брюль, «таинственные силы всегда ощущаются как присутствующие везде и всюду» [12, с. 291]. По мысли Дж. Мерфи, человеку изначально присуща тенденция приписывать «глубоко интересующим предметам и явлениям некое сложносоставное качество силы-жизни-желания, что представляет собой проявление универсальной формы мышления» [13, с. 38].

Первобытное сознание раздваивает, усложняет действительность через переживание в вещах «иного» (мана, пневма, эфир, воздух, дыхание, жизненная сила и т. д.). Можно сказать, что «иное» дано также непосредственно как мир чувственных вещей. Это «иное», с одной стороны, имеет объективное основание (т. е. оно в чем-то локализовано), а с другой — существует идеально. «Иное» не представляет собой теоретический концепт, вместе с тем оно психологически и онтологически усложняет бытие человека, требует от человека учитывать то, что выходит за границы его непосредственного восприятия. Как замечает Е. Гомбрих, «примитивные или первобытные народы не знают различия между постройкой и изображением в отношении их полезности: хижины должны укрывать от дождя, ветра, солнечных лучей, а изображения должны защищать людей от иных сил, в их сознании не менее реальных, чем силы природы» [14, с. 39]. Именно к «иному» оказываются обращены ритуальные практики. Кроме того, сами мифоритуальные практики имеют высокий уровень сложности, который превосходит сложность используемых орудий труда, что свидетельствует о высоком уровне дифференцированности, сложности сознания первобытного человека. Как замечает Б. Малиновский, «в постройке каноэ — предприятии, окруженном техническими сложностями, требующим организованного труда и ведущим к неизменно опасным мероприятиям, — ритуал сложен, глубоко связан с трудом и рассматривается как абсолютно необходимый» [15, с. 225]. Антропологические характеристики сложности оказываются заданными столкновением человека с неопределенностью, что стимулировало соответствующие культурные феномены (например, магические ритуалы). Это, с одной стороны, позволяло преодолевать сложность, а с другой — усматривать в вещах и действиях нечто, выходящее за границы их наглядно-чувственного образа.

История человеческой культуры является демонстрацией возвратно-поступательных процессов усложнения, когда по мере роста системной сложности происходит трансформация специализированных форм культуры. Эти процессы имели объективный характер, но усваивались субъектами посредством определенного набора социальных и культурных практик. Как отмечает А. Я. Флиер, «в каж-

дую эпоху доминировали особые сферы социальной практики, детерминировавшие общественное сознание, использовались разные модели понимания сложности мира и соответственно порождались разные системы культурных смыслов и понятий, отражающих это миропонимание» [10, с. 126—127].

Гуманитарный прогресс можно представить как процесс «овладения» антропологической сложностью. Развитие мифологии свидетельствовало об усложнении отношений человека с природой, оказывало существенное воздействие на эти процессы, стимулируя формирование абстрактного, а затем и метафизического мышления. Рассуждая о природе греческой метафизики, С. А. Нижников отмечает: «Развитие мифологии шло от простого к сложному, хаотичного и дисгармоничного (титаническо-циклопического) к упорядоченному и гармоничному (олимпийскому царству Зевса), от внешнего к внутреннему, пока не достигло умозрительного и метафизического характера» [16, с. 24]. Метафизика и логика, в свою очередь, вооружают человека принципиально иными средствами познания многообразия. В философии переживание многообразия переносится в интеллигибельную сферу, в которой формируются соответствующие практики ее преодоления, сведения сложного к простому.

Процессы осознания антропологического измерения сложности нашли свое отражение в известном разнообразии метафизических систем в философии и культовой системе в христианстве. Как проблемы метафизики, так и теологические проблемы свидетельствовали об усложнении отношений человека с действительностью. Сложность человека смещается в сторону усложнения его духовного мира. Антропологический поворот в античной философии позволил рассмотреть интеллигибельную деятельность человека как меру всех вещей. С одной стороны, абстрактное мышление ведет к простоте. С другой стороны, само абстрактное мышление является следствием усложнения культуры. В философии формируется соответствующий инструментарий, позволяющий «препарировать» сложную действительность в соответствии с набором простых принципов. Примером такого рода инструментария становится логика, позволяющая дробить действительность и мышление на аналитические единицы.

Человек постоянно испытывает иррациональное «давление» сложности в разнообразных формах ее проявления. По мысли Аристотеля, если бы природа человека была проста, то однообразная деятельность была бы ему наиболее приятной [17, с. 220]. В христианской традиции сложность связывается с результатом творчества, ограниченностью человеческого разума. Божественная истина наделяется такими атрибутами, как простота, полнота и абсолютность. Человеческое знание, напротив, оказывается сложным, неполным и относительным. В рамках средневековой литературы мы также встречаемся с актуализацией такого жанра литературно-художественного произведения, как исповедь. Формируется тенденция к самоуглублению индивида и рефлексии всего многообразия отношений с действительностью посредством самоанализа, интроспекции.

Антропологические аспекты сложности становятся центром внимания в рамках гуманизма. Гуманизм можно рассматривать как следствие социокультурного усложнения, формирования «третьего сословия» в противовес сословному феодализму, господству аристократии и духовенства. В рамках гуманизма происходит осмысление сложности и самооценности человека как социального и экзистенциального субъекта. Если рыцарь жил в замке в окружении ограниченного круга лиц (своей семьи и слуг), ведя достаточно монотонную жизнь, то пестрота, плотность социального состава города требовали от человека включения в сложное пространство социальных и культурных связей. Я. Буркхардт отмечает, что, в отличие от Средневековья, эпоха Возрождения в Италии характеризуется «чувством индивидуальности», которое отпечаталось на многих видах культуры, в частности в рамках подхода к такому жанру жизнеописания, как биография [18, с. 212].

В рамках индустриальной эпохи, несмотря на сохраняющиеся темпы социокультурного усложнения, утверждается простота мироустройства, что находит свое отражение в рамках программы классической научной рациональности. На первый план выходит личная активность, соперничество, заинтересованность в успехе своей деятельности, что нашло свое выражение в «духе капитализма», который особое внимание уделяет эффективности, целесообразности и

оптимальности. В данный период также получают широкое распространение модели «технического упрощения» человека, аналогии между человеком и продуктами его деятельности. На первый план выходит «механистический» подход к сложности человека, общества и культуры. Сложность механизма становится меркой для сложности человека, культуры и общества.

Трансформация представлений о характере воздействия сложности на человека оказывается связанной и с «революцией» в медийном пространстве. Как подмечает А. Я. Флиер, «в индустриальную эпоху с ее нарастающей всеобщей грамотностью основной «фабрикой» по производству смыслов культуры стала художественная литература» [10, с. 131]. Именно в рамках пространства текста художественной литературы усваивается сложность и многообразие жизненных коллизий, в которых объективные социально-экономические проблемы (к примеру, социальное неравенство) получают субъективную, личностно-эмоциональную оценку и осмысление. Исповедь и биография позволили дифференцировать духовную жизнь, но они не могли быть средством выработки стратегий усвоения социокультурной сложности. В дальнейшем литература становится одновременно выражением, рефлексией социокультурной сложности и средством ее преодоления, культура — гомогенным пространством текста, подчиненным логике его построения.

Диалектическая связь усложнения текста с трансформацией медийной реальности и последствия этих процессов для культурной действительности получают осмысление в работах структуралистов и постмодернистов. Постмодернизм выступил в роли своеобразной идеологии человека нового типа и одновременно апологии сложившегося мировоззренческого кризиса. В попытке наметить программу преодоления нарастающей сложности постмодернизм критикует «логоцентризм», отказывает миру в системности, отрицает целостность, упорядоченность и устойчивость его частей. Это находит свое выражение и в отношении к тексту: повествование становится нелинейным и нарративным. Наблюдается переход от текста к гипертексту. Мы наблюдаем переход от логики векторно-ориентированных структур к «логике ризом»: древовидных, ветвящихся, нелинейных структур.

Проблематика антропокультурной сложности имеет междисциплинарную природу. Антропологические аспекты сложности оказываются заданными переживанием сложности природы и сознания. В мифе мы наблюдаем переживание в вещах «иного» (в форме спиритуалистических начал), которое субъективно усложняет действительность. Субъективное освоение обнаруженной сложности происходило в культуре: мифоритуальных практиках, искусстве и коммуникации. Антропные характеристики усложнения оказываются заданными переходом от вещного многообразия, переживаемого интуитивно в мифах и ритуалах, к формированию мира абстрактных объектов, представлениям об индивидуальной духовной жизни (что нашло свое отражение в жанре исповеди). Действительность в философии удваивается, разделяется на бинарные оппозиции (например, материальное — идеальное, возможное — действительное, случайное — необходимое и т. д.). Переживание сложности в рамках становящегося абстрактного мышления способствовало формированию представлений о формально-логическом и диалектическом противоречии. Это позволило перейти к представлениям о единстве законов, которые сложным образом раскрываются в действительности. Миф не отрицал сложность действительности, но рисовал перед человеком психологически ясную картину мира. Развитие философии и теистических религий способствовало дифференциации действительности, созданию простых познавательных моделей, выделению бинарных оппозиций, существенно усложнивших духовную жизнь человека. Утверждение принципа сомнения позволило перенести переживание сложности в интеллигибельную сферу, вырабатывая инструментарий для оценки результатов собственной деятельности. Развитие абстрактного мышления, с одной стороны, стимулировало выработку простых познавательных моделей, способов упрощения действительности, а с другой — обнаружило нередуцируемые противоречия (логические и диалектические), которые, напротив, усложнили картину мира. «Чувство индивидуальности» способствовало созданию гуманистических систем, особого биографического пространства. Индустриальная цивилизация переживает значимый виток социального усложнения, увеличивает количество

социальных и культурных связей, но также стремится к построению простой картины мира. Социальная атомизация и фрагментация усиливается в рамках информационного общества, превращая сознание человека в ситуативно-контекстуальное образование. Антропокультурная сложность смещается в область ценностно-смысловых переживаний, семиотического многообразия культуры, которая находит свое отражение в ее специализированных формах.

Библиографический список

1. Ополев П. В. Сложность в историко-философской традиции: опыт осмысления // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 128—137.
2. Ополев П. В. Проблемы концептуализации сложности в науке и философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 15—24.
3. Мемфорд Л. Миф машины. Техника развития человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). М.: Логос, 2001. 408 с.
4. Корниенко В. И. Гуманитарный прогресс человеческого общества // Вестник челябинского университета. 2007. № 17. С. 49—56.
5. Ламсен Ч., Гушурст А. Геннокультурная коэволюция: человеческий род в становлении // Человек. 1991. № 3. С. 11—17.
6. Слейтер Л. Открыть ящик Скиннера. М.: АСТ, Хранитель, 2007. 317 с.
7. Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Уемов А. И. Принцип простоты и меры сложности. М.: Наука, 1989. 304 с.
8. Уорф Б. Л. Язык, мышление, действительность // Антология исследований культуры. Отражение культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011.
9. Ниязимбетов М. К., Абдулаева М. Н. Философия неопределенности в контексте сложности // Paradigmata Poznani. 2018. № 3. С. 19—24.
10. Флиер А. Я. Смыслорождающие функции культуры: историческая эволюция // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. XVI. № 1—2. С. 126—140.
11. Лосев А. Ф. Имя. СПб.: Алетейя, 1997. 616 с.
12. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
13. Балакин Ю. В. Инварианты религиозного сознания. Из истории изучения. Проблема метода: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 239 с.
14. Гомбрих Е. История искусства. М.: Искусство-XXI, 2013. 688 с.
15. Малиновский Б. Миф в примитивной психологии // Антология исследований культуры. Отражение культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 45—95.
16. Нижников С. А. Древнегреческая метафизика: генезис и классика. М.: Инфра-М, 2016. 216 с.

17. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
18. Буркхардт Я. Культура возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. 591 с.

References

1. Opolev P. V. Slozhnost' v istoriko-filosofskoj tradicii: opyt osmyslenija [Complexity in the historical and philosophical tradition: the experience of understanding]. *Voprosy filosofii*. 2019, no. 5, pp. 128—137. (In Russ.)
2. Opolev P. V. Problemy konceptualizacii slozhnosti v nauke i filosofii [Problems of conceptualization of complexity in science and philosophy]. *Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 2019, no 48, pp. 15—24. (In Russ.)
3. Memford L. *Mif mashiny. Tehnika razvitija chelovechestva* [The myth of the machine. Technology of human development]. Moscow, Logos, 2001, 408 p. (In Russ.)
4. Kornienko V. I. Gumanitarnyj progress chelovecheskogo obshhestva [Humanitarian progress of human society]. *Vestnik cheljabinskogo universiteta*, 2007, no. 17, pp. 49—56. (In Russ.)
5. Lamsden Ch. Gennokul'turnaja kojevoljucija chelovecheskij rod v stanovlenii [Genetic and cultural coevolution human race in formation]. *Chelovek*, 1991, no. 3, pp. 11—17. (In Russ.)
6. Slejter L. *Otkryt' jashhik Skinnera* [Open the Skinner box]. Moscow, АСТ, Hranitel', 2007, 317 p. (In Russ.)
7. Mamchur E. A. Ovchinnikov N. F., Uemov A. I. *Princip prostoty i mery slozhnosti* [The principle of simplicity and complexity measures]. Moscow, Nauka, 1989, 304 p. (In Russ.)
8. Uorf B. L. Jazyk, myshlenie, dejstvitel'nost' [Jazyk, myshlenie, dejstvitel'nost'] *Antologija issledovanij kul'tury. Otrazhenie kul'tury* [Anthology of cultural studies. Reflection of culture]. St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2011. (In Russ.)
9. Nijazimbetov M. K., Abdulaeva M. N. Filosofija neopredelennosti v kontekste slozhnosti [Philosophy of uncertainty in the context of complexity]. *Paradigmata Poznani*, 2018, no 3, pp. 19—24. (In Russ.)
10. Flier A. Ia. Smyslorozhdaiushchie funktsii kul'tury: istoricheskaja evolucija [Meaning-generating functions of culture: historical evolution] *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2014, no. 1—2, vol. XVI, pp. 126—140. (In Russ.)
11. Losev A. F. *Imja* [Name]. St. Petersburg, Aletejja, 1997, 616 p. (In Russ.)
12. Levi-Brjul' L. *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-Press, 1997, 608 p. (In Russ.)
13. Balakin Ju. V. *Invarianty religioznogo soznaniya. Iz istorii izuchenija. Problema metoda* [Invariants of religious consciousness. From the history of the study. Method problem]. Omsk, Om. Gos. un-ta Publ., 2014, 239 p. (In Russ.)
14. Gombrih E. *Istorija iskusstva* [History of art]. Moscow, Iskusstvo-XXI, 2013, 688 p. (In Russ.)

15. Malinovskij B. Mif v primitivnoj psihologii [Myth in primitive psychology]. *Antologija issledovanij kul'tury. Otrazhenie kul'tury* [Anthology of cultural studies. Reflection of culture]. St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2011, pp. 45—95. (In Russ.)
16. Nizhnikov S. A. *Drevnegrecheskaja metafizika: genezis i klassika* [Ancient Greek metaphysics: Genesis and classics]. Moscow, Infra-M, 2016, 216 p. (In Russ.)
17. Aristotel'. Nikomahova jetika [Nicomachean ethics]. *Aristotel'. Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vol.]. Moscow, Mysl', 1984, 830 p. (In Russ.)
18. Burkhardt Ja. *Kul'tura vozrozhdenija v Italii* [Culture of the Renaissance in Italy]. Moscow, Jurist, 591 p. (In Russ.)